

Владимир Грузда

16+

Мечты в огне

Владимир Грузда Мечты в огне

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67251894
SelfPub; 2022*

Аннотация

Пожарный Иван Каменев мечтал о вполне земном счастье. Но не о всяком желании стоит просить у потусторонних сил.

Владимир Грузда

Мечты в огне

1

Он опять упустил поджигателя. Нарушил инструкции, подверг опасности напарника и себя. И не догнал.

Прогорклый запах пожарища и насыщенный влажный дух наполняли помещение. Капли медленно стекали с огнеупорных курток и штанов, вывешенных в сушильных шкафах. Гудели вытяжка и очиститель воздуха. Если в течении получаса не будет вызова, то запах сойдёт на нет. Пока придётся терпеть.

Хотя кому здесь не знакомо пахучее сочетание воды и огня. Пропитывающее каждую пору, въедающееся в ноздри, рот, волосы. Неистребимое даже самым стойким и ароматным шампунем.

Иван расправил складки форменной рубашки. Как же приятно стянуть пропитанную потом футболку и облачиться в свежее бельё. Волосы ещё мокрые, но стрижка бобриком тем и хороша, что позволяет голове быстро сохнуть.

Он провёл ладонью по жёсткому ёжику волос. Смахнул немногочисленные капли, прилипшие к пальцам. Почесал левое плечо, пытаясь унять раздражающий зуд. «Ударился, что ли?» – Такого он за собой не помнил.

– Каменев, зайди к Филипову. – раздался под сводами по-

жарной части деловой, но такой тревожащий душу голос Людочки. Хотя нет, на службе – диспетчера пожарной части 53, сержанта МЧС Людмилы Прохоровой.

Иван усмехнулся уголками тонких губ. Помассировал переносицу искривлённого вправо носа. Вспомнил шрам на левом бедре, ожог на голени. Отметины, оставленные пожарами. Знаки отличия огнеборца.

Друзья уговаривали сделать пластику лица, но Иван не мог себе это позволить по финансам и не хотел из принципа. Сломанный нос – боевое крещение, напоминание о необходимости всегда быть начеку и не лезть сломя голову в пекло. Иначе сломаешь нос.

Он вновь усмехнулся и зашагал по коридору. Как назло, впереди замаячила щуплая фигура полковника Панина.

«Сейчас начнёт распекать», – пронеслось в голове за мгновение до того, как зазвучал громкий командный голос начальника части:

– Старший лейтенант Каменев, ты что себе позволяешь? Почему опять бросил напарника?

Иван вытянулся по стойке «смирно». Полковник был из военных, любил подобные проявления солдатской муштры:

– Преследовал поджигателя, товарищ полковник.

– Ты у нас кто? Охотник за духом огня?

Иван вздрогнул. Неужели полковник узнал? Но как?

Панин вплотную придвинулся к Каменеву, но вместо грозного нависания над противником, вышло нелепое загля-

дывание в глаза снизу вверх. Уж слишком разнились они в росте: метр восемьдесят четыре Ивана против метра семидесяти шести у полковника.

Но такая диспозиция начальника части не смущала. Его серые глаза метали гневные искры, складки на лбу и межбровей углубились:

– Ты – командир отделения пожарных! Исполняй свои обязанности. Поджигателей другие службы пусть ловят.

– Так точно! – с готовностью выпалил Иван, чувствуя, как тонкой струйкой вдоль позвоночника стекает холодный липкий пот.

– Следуешь к дознавателю? – утвердительным тоном спросил полковник. – После зайди ко мне. Определим взыскание.

Иван поморщился. Только этого сейчас не хватало. Прощайте премиальные – Машка, зараза, опять мозг вынесет! Наверняка уже запланировала покупки.

– Есть. – ответил Каменев. Рука потянулась к карману, но он себя одернул. Дождался ухода грозного начальника, и продолжил путь к кабинету дознавателя.

Настроение испортилось на всю оставшуюся смену. Полковник его искренне и до глубины души достал. Если бы не он, то Иван давно бы носил майорские погоны и служил начкаром. А всё полковничьи придирки из-за романа с Людочкой. Начальник, дескать, ратует за семейные ценности. Моралист хренов.

Дознаватель Филипов взглянул на входящего. Зелёно-карие глаза блеснули, и в этом блеске Ивану почудилось что-то нехорошее. Филипов кивнул на стул напротив, сам погрузился в изучение бумаг, разложенных на столе. Мягкий свет от монитора лэптопа отливал на его полных щеках и широком потном лбу.

– В рапорте всё верно указал? – не глядя спросил дознаватель. – Ничего изменить не хочешь?

Филипов впился в Ивана цепким взглядом. Пожарный глаз не отвёл:

– Что-то не так?

Дознаватель неторопливо протянул лист с портретом подозреваемого.

– Твоя подпись?

Иван взглянул на портрет, на надписи снизу, на собственную подпись.

– Да в чём дело, Кирилл?

Филипов протянул второй фоторобот:

– Сторож опознал поджигателя.

– Ну и что?

– А ты, Вань, внимательно портрет рассмотрел?

Иван всмотрелся в лицо подозреваемого в поджоге. С портрета на него смотрел круглолицый мужчина тридцати пяти лет, с глубоко посаженными глазами. Тяжёлые надбровные дуги, широкий лоб, бледные еле заметные брови, корот-

ко стриженный бобрик тёмных волос, широкий рот, тонкие губы, длинный прямой нос, сломанный на переносице и заметно смещённый вправо.

Иван ошарашенно уставился на дознавателя. Тот внимательно наблюдал за пожарным:

– Так за кем ты гнался?

– Это что шутка?

– Вань, я тебя хотел спросить. Ты же фоторобот составил.

Иван не мигая уставился на дознавателя. Перед глазами вновь прокрутилась сцена короткой погони. Молочный дым, с серыми завихрениями. Оранжевые отблески пожара. Обшарпанная металлическая дверь электрощитовой с облупившейся табличкой «Не влезай – убьёт!». За ней и скрылся рыжеволосый курносый парень в джинсовой куртке.

Он и сам входил в эту дверь. Помнил, как приглушённо лязгнул металл, как белый луч фонарика шарил по полу, метался от стены к стене, пронзая клубы дыма. Помнил своё удивление отсутствию в глухом помещении беглеца. Помнил, как выбрался наружу.

А ещё мерцающий блеск свечей и...

– Бросай ты эту привычку, – раздражённо сказал Филипов. – Ты же не куришь!

Иван взглянул на весёлый огонёк, вырывающийся из сопла зажигалки. Быстро закрыл крышку, спрятал зажигалку в карман.

– Чтобы не было лишних разговоров, советую не покидать

город, – предупредил дознаватель.

3

Возвращаясь со смены, Иван проезжал мимо Завода Полимеров. Мимо того, что от него осталось после вчерашнего пожара.

Скелет выгоревшего здания выглядел отталкивающе. Чёрные, прокопчённые фермы беспорядочно торчали в разные стороны. Массивные балки не выдержали температуры и поплыли. Когда пожар затушили и покорёженный металл остыл, каркас здания замер в нелепой позе, утратив симметрию. Кирпичная кладка развалилась. И лишь в некоторых местах сохранила плохо угадываемые контуры проёмов. То ли ворот, то ли окон.

Сваленные в кучу обгорелые кирпичи ещё источали вонь пожарища, ощутимую даже с противоположной стороны дороги. Но все другие запахи перебивал едкий дух жжёного пластика.

Иван припарковался напротив изуродованного стихией здания. Вышел из машины и пошёл на пепелище.

Он осторожно наступил на выцветшую, сохранившую лишь очертания букв, вывеску. Металл под ногами жалобно скрипнул, заскрежетал, сопровождая каждый шаг человека. Большая, шириною в два метра вывеска, когда-то гордо информировала, что здесь располагается Завод Полимеров, сейчас униженно вросла в землю, проржавела, потеряла пристойный вид. Синяя краска толстых высоких букв пошла

пузырями и облупилась.

Завод остановили лет десять назад. Хозяина посадили на долгий срок, муниципалитет не мог решить, как поступить с нерентабельным предприятием. Пока шли разбирательства, хозяйство ветшало, но, на удивление, до последнего времени строения оставались прочными, остеклёнными и укрытыми добротной кровлей. Хотя следы запустения проявлялись всё больше: на серых стенах появились чёрно-белые граффити; некогда надёжная сетка Рабица, ограждающая территорию, поружела, прорвалась во многих местах; кустарник, широкие листья лопуха и буйная трава заполонили всё кругом, вплетаясь в заграждения и сами становясь препятствиями к проникновению.

Заброшку номинально охраняли. Имелась высокая будка охраны в виде курятника, выкрашенного синим. Наверняка там отбывали свои часы сменные пенсионеры, но Иван ни разу никого из них не видел. То ли должностные инструкции, то ли лень не позволяли им покидать пост. А быть может и не было там никого. В любом случае обзор из будки ограничивался участком дороги перед главными воротами, не открывавшимися несколько лет.

Имелись видеокамеры, расставленные по периметру заводской территории, но те тарасились незрячими глазами, являясь очевидными муляжами. А потому фоторобот от невесть откуда взявшегося сторожа вызывал удивление. Впрочем, как и пожар, уничтоживший всё вокруг в считан-

ные минуты.

Иван был здесь два дня назад. Пол главного корпуса покрывал толстый слой пыли, на котором оставались лишь его собственные следы. Трава во дворе не была примята, и значит на территорию завода к тому моменту давно никто не забредал. Конечно, устроить пожар можно в одночасье, но завод благополучно простоял десять лет, мог стоять и дальше.

Пробил холодный озноб. Неужели он сам не загасил свечи? Но в отчёте о пожаре не фигурировала Электрощитовая, как очаг возгорания. Кроме того он сам входил туда во время пожара, и уходя, оставил дверь открытой. Огонь конечно же уничтожил все следы. Огонь не подведёт.

Иван, прикрыв рот и нос платком, обошёл выгоревший корпус. Заходить внутрь не имело смысла. Да и было всё ещё опасно.

– Чаво, служивый, ищешь?

Он оглянулся. Между двумя кучами почерневших кирпичей стоял пожилой мужчина, старше шестидесяти. Его лицо избороздили глубокие морщины, под глазами набрякли мешки. Неопределённого цвета глазки зыркали из-под седых густых бровей. Несмотря на июньское тепло, мужик напялил чёрную вязаную шапку, натянув её до самых бровей. Старенький, защитного цвета дождевик тоже не вязался с погодой.

Иван отнял от лица платок:

– А ты, дед, как здесь?

– Ахраняю.

– Чего же здесь охранять? Сгорело всё.

– Погорело, да. А службу ахранную никто не отменял!

Иван огляделся. Заходя на территорию, не увидел ни забора, ни даже намёка на границы охраняемого периметра. Пожар и спецтехника превратили всё вокруг в сплошную свалку.

– И давно охраняешь?

– Дак скока себя помню. И тебя помню, не сумлевайся.

Иван сжал кулак. Шагнул к старику.

– Меня дед Матфеем кличут. – миролюбиво сказал сторож. – А твоё прозвище каково?

Иван остановился:

– Прозвище? У людей имена вообще-то.

– Так то у свободных, а на ком клеймо у того прозвище.

– Ты чего, дед, несёшь?!

– Дак ты и сам знаешь. Место тута особенное. Сила из земли исходит, оттого задумки да умыслы исполняются.

Иван прищурился. Дед ему не нравился. Не нравились его слова. Но важнее, что речи сторожа будут выглядеть неадекватными для Филипова. Теперь Иван в этом с удовлетворением убедился. Хотя запоздало понял, что если дед расскажет дознавателю об этом их разговоре, проблем станет ещё больше.

Пожарный изобразил на лице равнодушие, кивнул на обугленные развалины:

– Плохо охраняешь, дед Матфей. Раз посторонние шастают.

– Кто посторонний, а кто и свой.

Ответ озадачил, Иван не заметил, как в руке оказалась зажигалка и вспыхнул огонёк.

– Место Силы тута. – продолжил сторож. – Да токма огонь сюды нести не след. Закружит голову, запутает, не воротишься – погибнешь!

– Тебе, дед, лечиться пора. – Иван, спрятал в карман зажигалку, шагнул в сторону.

– Лечение – оно всякому на пользу. Задумаешь исцелиться, приходи сюды вновь.

Иван махнул рукой, и заспешил к оставленной на дороге машине. Дед негромко, но отчётливо сказал:

– Не каждый вошедший дверью отыщет дорогу назад. Не так важно, кто войдёт, важнее, кто выйдет.

Иван развернулся, но на пепелище никого не было. Лишь искорёженные балки, да груды битого кирпича.

«Какого чёрта я сюда припёрся, – ругал он себя, заводя двигатель, – светился здесь в форме. Прокоптился, как фазан на вертеле. Опять с Машкой ругаться придётся».

4

СМС с сообщением о смерти начальника прилетело, когда Иван чистил зубы, готовясь ко сну.

Отложив телефон, он подмигнул собственному отражению в зеркале:

– Не успел, товарищ полковник, наложить очередное взыскание. Глядишь, в этом году капитанская звезда упадёт на погон.

– Вызов? – Маша бесцеремонно заглянула в ванную.

– Какое твоё дело?

Маша прищурила голубые глаза, откинула со лба прядь русых волос:

– Всё хорошо? Что-то ты нервный последние дни. Любовнице свечи не понравились?

Иван прикусил зубную щётку, чтобы не разразиться руганью. Сам виноват, что жена узнала о приобретении свеч. Оплатил покупку картой и забыл, что доступ к выпискам имеют оба. Естественно, увидев ценник Маша закатила скандал и, не обнаружив три эксклюзивные свечи дома, сделала вывод, о покупке для романтики на стороне.

Но теперь об этом не стоило и переживать. Свечи сделали своё дело. СМС тому подтверждение, а значит вскоре исполнится и остальное.

– Панин погиб. – сухо ответил Иван, продолжая чистить зубы. – Сгорел в бане.

– Вот ведь горе, – жена всплеснула руками. На её лице отразилась печаль, глаза наполнились слезами. – Я вдруг представила: ведь вы каждый день в огонь входите.

Иван перестал чистить зубы. Застыл с зубной щеткой во рту, удивлённо глядя на Машу. Такие откровения после пятнадцати лет в браке с пожарным.

Жена порывисто прижалась к нему. Её плечи мелко подрагивали. Он осторожно её обнял, вдыхая аромат фиалки. Погладил по спине. Ощутил тепло тела. Трепетного и родного.

– От тебя дымом пахнет, – Маша отстранилась, прищурилась.

– Я же пожарный, – решил перевести все в шутку Иван.

– Сутки как со смены, а все не отмылся! Не пушу в постель!

Жена выскочила из ванной. Иван проводил ее хмурым взглядом: «Стерва! Люда себе такого не позволяет: ей запах дыма нравится».

В зеркале почудился отблеск свечи. Иван улыбнулся. Скоро всё наладится.

Ужасно зачесалось плечо. Он приподнял рукав футболки. Поглядел на руку. На плече горела, словно выжженная калёным железом, пятисантиметровая поперечная линия. Кожа вокруг покраснела.

«На ком клеймо у того прозвище», – прозвучал голос деда Матфея.

Иван резко опустил рукав, злобно уставился на собственное отражение в зеркале. Процедил сквозь зубы:

– Это мы ещё посмотрим!

5

Он снова сидел в кабинете дознавателя.

Филипов глядел исподлобья:

– Не хочешь объяснить, что происходит?

– А что происходит?

На стол перед Иваном лёг портрет, составленный свидетелями пожара. С фоторобота на Ивана глядел он сам.

– Ты мне это уже показывал.

Филипов порылся в бумагах, молча положил второй фоторобот.

То же лицо, другая дата.

– Если твоё нахождение у Завода Полимеров под сомнением, – сказал после минутной паузы дознаватель, – ты был на смене, то что ты делал у бани Панина за полчаса до пожара?

Иван сжал кулаки, постучал себе по коленям:

– Мы живём в свободной стране! Почему я не могу быть там, где хочу?!

– Произошёл пожар с погибшим.

– И что? – Иван наклонился вперёд, буравя Филипова гневным взглядом. – Был поджог?

– Вань, не кипятись. Я выполняю свою работу.

– К чёрту работу! – Пожарный вскочил и заходил из угла в угол кабинета дознавателя. – Ты копаешь под меня! На каком основании?!

– Я тебе показал.

Иван остановился напротив стола, навис над дознавателем:

– Какое заключение по пожару?

– Предварительное заключение: самовозгорание.

– Вот!

Иван уселся на стул, закинул нога на ногу:

– К чему эти вопросы?

– Убери зажигалку.

Иван удивлённо посмотрел на оранжевый огонёк, рвущийся вверх из медной зажигалки, зажатой в своей руке.

– Идёт расследование, отрабатываются свидетельские показания, – Филипов демонстративно собрал со стола бумаги и закрыл их в сейфе.

– Ты мне не доверяешь? – Иван покосился на старый покрашенный казённой салатовый краской сейф. – Кирилл, почему?

В коридоре зазвучали приглушённые дверью голоса, звонкий смех Людочки. Её каблучки процокали по ламинату.

– Не хочешь говорить со мной – не надо, – хмуро сказал Филипов, когда звук шагов стих. – Следователь обязательно задаст этот вопрос. Лучше ответить честно.

Иван заскрежетал зубами, сжал и разжал кулаки.

– Что-то с тобой творится в последнее время, – продолжил Филипов. – Ты вообще в порядке?

– Лучше, чем когда бы то ни было, – Иван улыбнулся. –

Я свободен?

Филипов устало вздохнул и кивнул:

– Сухих рукавов.

6

Люда жила в маленькой однокомнатной квартире в пятиэтажке. Конечно, её старая квартирка не шла ни в какое сравнение с его современной трёшкой, но зато здесь было спокойно. Никто не указывал на нехватку денег, не требовал решений бесконечных проблем, здесь всегда просто были ему рады.

Квартирка находилась в двух кварталах от пожарной части, а потому можно было легко заскочить после смены, объяснив опоздание домой сложной дорожной ситуацией. Благо, сам Иван жил на окраине, в новом микрорайоне, где поток машин всегда превышал пропускные способности проезжей части.

– Ты поранился? – Люда осторожно провела рукой по левому плечу Ивана. На воспалённой коже чёрными рубцами затянувшейся раны красовалась ровная стрелка вверх, образованная двумя прямыми линиями.

Иван отстранился, встал с кровати:

– Ерунда.

– Ты знаешь, – женщина села в постели, подтянув колени, – я после случая с Филиповым побаиваюсь на работу ходить.

Она нервно хихикнула.

– При чём тут Филипов? – Иван поспешно одевался.

– Сгореть в кабинете в пожарной части! Ужас какой-то!

– Огонь, он такой. – Иван на мгновение замер, затем быстро накинул куртку.

– Ты это о чём?

– Не важно!

Он быстро прошёл в маленькую прихожую. Женщина, завернувшись в простыню, пошла следом:

– Ваня, что с тобой?

Он не обернулся:

– Всё нормально.

– Нет, ты какой-то другой стал. Дёрганный, что ли.

– Нормальный я!

Он уже надевал туфли. Людмила подошла сзади, обняла.

– Всё равно как-то не по себе. Сгореть в пожарке.

Он грубо схватил её за руки:

– Хватит уже!

– Хорошо-хорошо. – примирительно сказала она и потянулась к нему.

Их губы соединились в долгом поцелуе.

– Увидимся через два дня?

Иван кивнул, надевая фуражку:

– Не знаешь, документы не погибли?

– В том то и дело! – зелёные глаза женщины округлились. – Всё что было в сейфе сгорело!

Иван поиграл длинной прядью чёрных волос любовницы,

провёл рукой по гладкой коже щеки. Она прильнула к его шершавой ладони.

– Ну пока.

Дверь за ним закрылась.

7

– Молодой человек, – голос вывел из забытья.

Перед Иваном, на пару ступенек ниже стоял седовласый старик в белой рубашке в мелкую синюю клеточку. Старомодные синие подтяжки удерживали мешковатые брюки.

Старик опирался на чёрную палку, давно потерявшую блеск и выщербленную во многих местах. Сквозь круглые профессорские очки в тонкой оправе глядели серьёзные голубые глаза.

– Что ж это вы? Мы внуков учим не баловаться огнём, а вы...

Пламя опалило подушечку большого пальца. Иван быстро закрыл крышку разогретой зажигалки.

Старик заковылял вверх, продолжая ворчать:

– Какой пример! А ещё пожарник!

– Пожарный, – не громко сказал Иван и заспешил вниз.

Сколько времени он простоял с зажжённой зажигалкой?

Зажигалка.

Иван остановился на площадке между этажами. Разжал пальцы и поглядел на медную зажигалку на ладони. Та сверкнула тусклым блеском, отразив луч солнца, пробивающегося сквозь немытое окно. Её форма напоминала тельце ящерицы

с загнутым в кольцо хвостом. Крышка, словно пасть, выпускающая струю огня.

«Саламандра» – пронеслось в голове.

Зажигалку он подобрал на Заводе Полимеров. Когда же это было?

Да, именно в тот день.

«Человек, который вступил в контакт с саламандрой и подчинил ее, становится могущественным магом. Тот, над кем этот дух взял власть, превращается в ее покорного раба и обретает непреодолимую страсть к пиромании. Становится эгоистичным, агрессивным и озлобленным».

Нестерпимо зачесалось плечо.

Ну нет, он не раб. Если уж и пользоваться подобной терминологией, то он маг. Воспламенять взглядом предметы – это ли не магия! Как бишь оно называется? Пирокинез.

Огненный маг, с даром пирокинеза!

Душу наполнил детский восторг.

«На ком клеймо у того прозвище». – не к месту вспомнились слова деда Матфея. Восторженность улетучилась.

Да кто такой этот дед Матфей?! Знак духа огня – треугольник. У Ивана на плече всего лишь два отрезка в форме стрелки вершиной вверх. Он почесал плечо.

У пожарных есть свой треугольник: Кислород, Горючее вещество, Источник зажигания – условия возникновения пожара. Этот треугольник ему ближе и понятнее. На том и будем стоять.

Он убрал остывшую зажигалку в карман и заспешил к выходу из подъезда.

Осталось совсем чуть-чуть.

8

Смена выдалась тяжёлой. Восемь выездов, два пожара с погибшими. После работы Иван не заехал к Люде, сразу помчался домой. Сегодня не стоило возбуждать дополнительное подозрение.

Во двор заехать не получилось, проезд перегородила пожарная машина. На противоположной стороне двора, сквозь зелень кустов и деревьев виднелась вторая автоцистерна. Третья машина тянула к серой девятиэтажке лестницу. Пожарные разматывали рукава.

Иван заглушил двигатель, выбрался из салона. Сердце пропустило удар. Толпа гомонила и волновалась напротив его подъезда. Затаив дыхание, Иван поднял взгляд вверх.

Оранжево-красные языки пламени рвались вверх из трёх окон квартиры на шестом этаже. Клубы чёрно-сизого дыма собирались в грозную тучу над крышей дома, отбрасывая тень на зевак и пожарных.

Иван рванул вперёд. Шестой этаж, квартира слева. Его квартира!

– Нельзя! – незнакомый пожарный заградил дорогу. От боёвки защитного цвета пахло дымом. Тёмные разводы на шлеме указывали на беспокойную смену, выпавшую и на этот наряд. Они даже не успели отмыться от последнего по-

жара, когда примчались по новому вызову.

Иван вцепился в грубый шершавый рукав куртки коллеги.

– Там жена, сын!

Пожарный понимающе кивнул, но дорогу не уступил:

– В толпе их нет?

Иван огляделся. Узнал соседей, разглядел лица совершенно чужих людей. Отрицательно покачал головой в ответ на вопросительный взгляд пожарного. Тот ловко извлёк рацию, вышел в эфир:

– Внимание, в квартире могут находиться двое. Женщина и ребёнок.

– Тринадцать лет, – быстро добавил Иван. Пожарный передал информацию.

Лестница дотянулась до шестого этажа. Расчёт пожарных взлетел вверх. Из подъезда продолжали выбегать взбудораженные соседи. Толпа росла.

– Не лучшая идея.

Иван удивленно поглядел на пожарного. Тот кивнул на зажигалку у Ивана в руке. Красный язычок пламени вырывался из сопла.

– Не стоит кормить духа огня!

Пожарный отвернулся, принялся отгонять на безопасное

расстояние зевак.

Иван поспешно убрал зажигалку, уставился на распахнутые настежь створки и черноту лестничной клетки. В груди бешено билось сердце.

Что вы знаете про духа огня?

А что о нём знает он сам?

Приходило осознание: дух не исполняет желания, как то обещает интернет, а даёт смертоносный дар и неодолимую тягу к поджогам.

Тоска и отчаяние вцепились в душу и принялись остервенело рвать её на части. Осознание необратимого придавило, не позволяя вздохнуть. Глаза застелил влажный туман. Нестерпимо зачесалось левое плечо.

9

Он вышел на работу на пятый день после похорон. Мужчины, привыкшие видеть чужую

смерть и готовые каждый миг рисковать собственной жизнью, смущенно отводили взгляд. Жали руку, выдыхали соболезнования и неловко отступали.

Людочка тоже произнесла приличествующие слова, шмыгнула носом, промокнула платком уголки покрасневших глаз.

Иван бодрился, хотя от такого отношения коллег хотелось забиться в угол и разрыдаться.

В обед, его пригласил в кабинет новый дознаватель, назначенный на место Филипова. Сообщил, что пожар начался с возгорания дивана. Как это произошло, установить не смогли. В семье у Каменевых никто не курил, замыкания не было, посторонних источников огня не обнаружено.

– Самовозгорание. – дознаватель протянул документы. – Примите мои соболезнования.

Иван знал, самовозгорание – явление редкое, но встречающееся. Подозрение могло вызвать полное выгорание трехкомнатной квартиры. И то, что это был третий случай самовозгорания за десять дней.

Но почему-то именно сейчас это волновало его меньше всего.

Пять дней назад он попрощался с Машей и Лешкой. Теперь от жены и сына осталось

лишь несколько фото в смартфоне. Тоска невозвратной потери терзала душу.

Ему представлялось, что работа затянет, наполнит разум будничной суетой, но этого не случилось. Праздные разговоры о политике и спорте лишь раздражали. Всё также ныло

сердце, взгляд вновь и вновь искал экран телефона, где хотя бы на мгновение можно было увидеть лица жены и сына. Пламя пожаров снова и снова возвращало к горестному напоминанию трагедии, виновником которой он сам и являлся. Еда не лезла в глотку. Он механически жевал, поддавшись на уговоры коллег. Ел, не различая вкуса пищи.

На выходных, Иван бесцельно бродил по городу и ноги постоянно несли его в родной, но теперь опостылевший двор. К подъезду, откуда уже никогда не выйдет Маша и не выскочит непоседливый Лёшка.

Нужно было решать вопросы со страховкой и ремонтом квартиры, но он каждый раз откладывал. Сбрасывал звонки агентов. Всё это казалось настолько несущественным, бесполезным и бессмысленным. Ведь вся эта суета не могла вернуть ему главного – его семьи.

Сидя на скамейке, на опустевшей из-за дождя детской площадке, Иван не чувствовал затекающих за шиворот потоков воды. Не ощущал хлёстких порывов ветра и удара тяжёлых капель. Рука тянулась к карману, где лежала зажигалка, но он останавливал себя. С трудом и со скрежетом зубов.

На сердце лежал тяжёлый камень, трудно было дышать. Иван осознавал, как не хватает ему семьи. Как сильно он любит Машу. Любил.

Дважды он приезжал к пепелищу, оставшемуся от Завода Полимеров. Реальным было только это – покорёженные

огнём фермы и обгорелый камень. Ни духа огня, ни безумного ритуала, ни странного сторожа. Но внутри продолжалась борьба: хотелось выйти из машины и побродить по пожарищу в надежде встретить деда Матфея. А здравый смысл убеждал в бессмысленности этой затеи.

Память же ясно и дотошно воспроизводила слова сторожа. Мечталось постигнуть их смысл, грезилось найти в них способ всё исправить.

Иван так и не вышел из машины. Яростно, до крови, чесал левое плечо и уезжал. Он понимал: исправить уже ничего не получится.

10

В дверь постучали. Иван нехотя поднялся с кушетки. Та, тоскливо скрипнула, словно опечалилась расставанием. В шесть шагов Иван добрался до входной двери. Открыл не спрашивая: в ведомственной гостинице, где он поселился на время ремонта в квартире, случайных людей быть не могло.

Люда с порога обняла его за шею, впиалась в губы. Запах шафрана пьянил.

– Наконец-то, – выдохнула она.

Иван отстранился, заглянул за спину любовнице:

– Нам не стоит встречаться.

Люда продемонстрировала пакет:

– Понимаю: траур. Заодно помянем.

– Ты не понимаешь! – Иван подтолкнул ее к выходу. –

Идет расследование.

В пакете звякнуло. Люда вновь оказалась на лестничной площадке. Иван потянул дверь.

– А мы-то тут причем? – удивилась она. – Или?..

В ее глазах появился испуг. Загудел лифт.

– Поговорим позже. – Иван быстро закрыл дверь. Прислушался к происходящему на лестничной площадке. Лифт остановился на его этаже. Зазвенел голосок Люды, отозвался чей-то бас.

«Черт, они знают друг друга!»

Иван в сердцах грохнул по полке под зеркалом. Зеркало задрожало. Почудился отблеск свечи.

Возникла жуткая мысль: пора избавиться от Людочки. Как он дошел до такого?

Иван сел на продавленную кушетку, взял смартфон и раскрыл сохраненные сайты. Вновь пробежал глазами знакомый текст: «Дух огня – зримое олицетворение стихии, воплощающее силу и мощь природы. В отличие от светлых существ, которые нередко помогают людям по собственной воле, дух огня независим. Его не интересуют проблемы человечества, заботы о душах и благополучии простых смертных.

Он не привязан к добру или злу, способен исполнять любые желания людей, в том числе фатальные, несущие гибель и разруху».

Иван устало закрыл глаза, но перед внутренним взором полыхала баня Панина, и жадные

огненные языки рвались наружу из окон квартиры на шестом этаже.

Исполнил, блин, желания. Хотел карьерного роста, свободы от брачных уз.

«Дух огня способен исполнить любое желание, может одарить богатством, помочь

достичь благополучия, власти над окружающими, помо-

гает устранить врагов, дарует мощную защиту»

Иван загнано огляделся. Старый, покосившийся шкаф, выцветшие обои, отслаивающиеся

в стыках и по углам.

– Жизнь – мечта! – кулак врезался в поцарапанную крышку прикроватной тумбочку. Со скрипом открылась дверца.

Зачесалось левое плечо. Иван приподнял рукав футболки. Поглядел на руку. На плече горел черный равнобедренный треугольник. Кожа вокруг фигуры покраснела. Три грани – три пожара.

Клеймо духа огня. Без оговорок и оправданий.

«Получить поддержку от духов огня можно наблюдая за открытым пламенем. Эти элементали любят, когда на них смотрят и наделяют зрителей энергией, а также вдохновением для осуществления самых сокровенных мечтаний.

Существуют различные ритуалы вызова духа огня. Нужно выбрать уединённое место, начертить треугольник, установить в вершинах три свечи. Зажечь свечи, стать лицом к югу. Сжать руку в кулак и направить его вперед, произнести желание.

Однако ответственность относительно исполнения мечты

в полной мере лежит на человеке. Огонь не прощает ошибки. Стоит дать слабину, и потеряешь его благосклонность»

Иван захохотал:

– Конечно, всё сделал моими руками, а теперь отвернулся. Исполнил мои идиотские

мечты о свободе и карьере. Что теперь? Защитишь от опасностей и врагов? Убьёшь всех вокруг?

Он погрозил кулаком в потолок:

– Я больше не буду этого делать!

Иван вскочил, рванул из кармана зажигалку, яростно швырнул ею в стену. На гипсокартоне появилась вмятина, посыпалась белая взвесь. Зажигалка свалилась на пол и отлетела к входной двери.

Как он – огнеборец – решил обратиться к духу огня для исполнения желаний? Каким умом он думал?

Иван схватил стул и грохнул им об тумбочку. Стул разлетелся, засыпав комнату обломками. По батарее застучали соседи.

– Что ж это со мной? – он обхватил голову руками, осел на кровать.

«Задумаешь исцелиться, приходи сюда вновь... Место

Силы тута... Не каждый вошедший дверью отыщет дорогу назад. Не так важно, кто войдёт, важнее, кто выйдет»

Иван сдёрнул с вешалки форменную куртку, открыл дверь и застыл на пороге. Под ногами поблёскивала медным боком зажигалка. Он промедлил, затем нагнулся, сунул её в карман и выскочил за дверь.

11

Подъезжая к заводу, он не сразу понял, что не ошибся. Серые корпуса, в многочисленных ржавых разводах, выглядывали из-за покосившегося сеточного забора. Территория выглядела запущенной, но не заброшенной. И совершенно не являлась разорённой пожаром, бушевавшим здесь десять дней назад.

Иван резко затормозил напротив огромной вывески над главными воротами. Синие, хорошо видимые буквы оповещали: Завод Полимеров. Вывеска проржавела, облупилась, но не имела следов от огня и крепко держалась под истерзанной дождями кровлей.

Иван вышел из машины, забыв поставить на сигнализацию. Словно во сне двинулся к будке охраны.

Высокая трава за проволочным ограждением колыхалась от лёгких порывов ветра, распространяя вокруг пыльный запах согретого июньским солнцем разнотравья. Ни намёка на гарь и вонь жжёного пластика.

Пожарный с открытым ртом застыл перед металлическими воротами. Он недоумевал, кому понадобилось сроч-

но восстанавливать завод, придавая ему вид многолетней неухоженности.

Дверь в будку охраны со скрипом отворилась. На пороге показался грузный мужчина лет сорока, облачённый в летний вариант формы охранника расцветки серый вихрь. На рукаве виднелась красно-чёрная эмблема охранного предприятия.

– У нас пожар? – пробасил мужик, оборачиваясь в сторону построек.

Иван вышел из ступора:

– Дед Матфей сегодня дежурит?

– Какой Матфей? – охранник нахмурил густые чёрные брови. – У меня сменщик Сергей. Мы через сутки работаем.

Стая голубей взмыла ввысь правее здания завода. Оба устремили туда взгляды.

Иван пошёл вдоль забора. Охранник застыл на высоком крыльце будки:

– Так чё надо было?

Пожарный не ответил, продолжая идти вперёд.

Он знал, через сотню метров в заборе будет дыра, искусно прикрытая куском незакреплённой сетки. Этим путём Иван уже пробирался на охраняемую территорию. Несколько раз. Когда искал и нашёл сокрытое от посторонних глаз место для ритуала.

Не задумываясь, Иван вновь нырнул в прореху и оказался на заводской земле. Примятая трава точно указывала на-

правление к главному корпусу. Хотя навряд ли он смог бы сейчас ответить, кого ожидал здесь найти.

Но перед центральными воротами маячил защитного цвета дождевик и чёрная вязаная шапочка. Иван приблизился.

– Далгонько ты, – встретил его дед. – Не сразу докумекал?

– Как это? – Иван лишь развёл руки, оглядываясь вокруг.

Дед молча сдвинул створку массивных ворот, поеденных ржавчиной. Колёса жалобно застонали, натужно покотив по рельсу. Из недр помещения пахло разогретым, насыщенным краской и полимерами воздухом. Так здесь пахло всегда. Дурманяще и вредоносно.

После того, как завод закрылся, несколько человек, проникших в здание, оказались в больнице, надышавшись ядовитыми испарениями. Двоих откачать не смогли. Оклемавшиеся рассказывали о видениях, духах и какой-то нечисти, повстречавшихся им на территории Завода. Но всё списалось на галлюцинации из-за отравления.

К удивлению, дурная слава не привлекла любителей острых ощущений. Заброшки сторонились, здесь не появлялись ни бомжи, ни праздношатающиеся. Именно поэтому Иван и избрал её для ритуала, воспользовавшись Дыхательным Аппаратом на Сжатом Кислороде, прихваченном с работы.

Он нашёл самый дальний закуток: затерянную среди производственного оборудования подсобку, бывшую Электропитательную. Скрупулёзно вычертил на бетонном полу изолированного бункера чёрный треугольник. Установил по углам

толстые разноцветные свечи. Встал в центре и, протянув вперёд правую руку, высказал желания в пустоту.

Потом уселся на холодный грязный пол и расхохотался. Не произошло ровным счётом ничего.

Но когда гасил свечи, увидел медную зажигалку в форме ящерицы. А выйдя из Электрощитовой получил то, о чём даже не мечтал.

– Силу-то получил, а ума не нажил, – заявил дед.

Иван уже сунулся в открытый проём ворот, но застыл. Медленно обернулся:

– Кто ты?

– Я ж тебе ужо сказал. Ахранник я. Хошь, Духом-Хранителем зови. Сберегаю Место Силы. Токмо безрассудных пропасть скока: не разумея лезут и лезут.

– Что за Место Силы?

– У всякой стихии место своё. У воздуха твердь небесная, да всё кругом. У воды, знамо дело, реки да моря. У земли – твердь земная. А огонь – он беспризорник, ему с другими стихиями договариваться должно. К кому притулится, от того и напитаётся.

– Ну и чем он здесь напился?

– Дак силой земли! Ведь ты в Месте Силы духа привечал. И как ты то место разузнал да различил. Ведь прямёхонько туды направился.

Иван покачал головой:

– Что ж ты меня не остановил?!

– Жалеешь? – сторож заглянул Ивану в глаза. Пожевал губами, раздумывая. Затем сплюнул: – Огонь силён, да токма земля завсегда пламя перешибёт. А земля она што? Крутится-вертится, да обратно вертается.

– И что это значит?

– Какой сегодня день?

Иван взглянул на деда, но вспомнил, что удивляться нечему:

– 23 июня.

– А таперяча в тятифон узри.

Иван подчинился. Достал смартфон, разблокировал:

– И что?

На дисплее горело 13 июня. Иван полез в настройки.

– Крутится земля, вокруг солнышка ходить. Иногда вертается.

Иван уставился на сторожа. Догадка подкрадывалась медленно, он пытался её гнать, потом убеждал себя в возможности изменения хода времени, а затем страстно хотел поверить:

– Это что, сейчас день пожара на заводе? И значит Маша жива? И Лёшка? И Панин?

– Твои умыслы родили сие, твои хотения могут возвертать всё обратно. Велика сила в людских мечтах. Дух огня взял силу земли, наделил тебя знаком своим да умениями огненными. Но ось-то земная в тебе утвердилась. Через неё и обратиться можно.

Иван взглянул на часы, засуетился:

– Сейчас 18:10, через две минуты поступит вызов. Можно остановить пожар!

– Переменить-то можно – отменить нельзя.

– Делать-то что? – нетерпеливо воскликнул пожарный.

Слева зашуршала высокая трава. Сквозь неё пробежал сушощавый паренёк. Кузнечиком заскочил на высокое окно в стене здания и змейкой юркнул в лишённую стекла фрамугу.

Иван запоздало опознал знакомую рыжую физиономию и синюю джинсовую куртку:

– Это же...

– Огневушка-поскакушка, жиж, Рарог, птица Феникс, си-речь дух огня.

Пожарный взглянул на деда. Тот был совершенно серьёзен:

– Двое войдут дверью – лишь один выйдет. Тебе, Иван, решать. Сохранишь клеймо, али очистишься.

Сквозь раскрытые ворота потянуло гарью. Из окна заструился белёсый дым.

– Ты чего тут творишь?! – загремел грозный бас охранника в камуфляже. Лишь хруст травы под тяжёлой поступью обозначал его место нахождения. Но звук безошибочно оповещал о скором его появлении у входа в здание завода. Из зарослей вновь послышался возбуждённый голос:

– Возгорание. На Заводе Полимеров. Да.

– Тебе решать, – заявил дед, не двигаясь с места.

Иван рванул внутрь. Помещение уже затягивал сизый воючий дым. Видимость быстро ухудшалась. Справа полыхнули острые оранжевые языки пламени. Исчезли. Вспорхнули вновь.

Пожарный уткнулся в рукав куртки, пытаясь разглядеть поджигателя. Едкий дым вгрызался в глаза. Слезы потекли по щекам. Рот заполнился тягучей слюной. Сейчас бы ДАСК.

Впереди, вынырнув из молочной пелены, возникло улыбающееся лицо рыжеволосого паренька. Без всяких средств защиты.

Иван рванул за ним.

Слева с хлопком взорвалась какая-то ёмкость. Нарастал гул зарождающегося пожара. Трещали охваченные огнём перекрытия. Сквозь какофонию звуков донёсся вой сирен.

12

Иван понимал, что удаляясь от входа, он рискует не выбраться из охваченного огнём здания. Но он и не собирался отступить.

Только бы добраться до Электрощитовой.

Впереди лязгнула дверь. Сквозь молочную пелену, подсвеченную оранжевыми отблесками пожара, Иван разглядел тёмную фигуру, растворяющуюся в чёрном провале. Справа, рассекая клочья тумана, заструился луч пожарного фонаря. Он замер, выхватив из дымовой завесы прямоугольник двери с надписью «Электрощитовая» и табличкой «Не влезай –

убьёт!».

Пожарный в боёвке и маске ДАСВ первым оказался у входа, рванул на себя створку и ринулся внутрь. Иван видел, как мечется в пустом помещении белый луч фонаря. Не видел сейчас, потому что веки беспрерывно моргали и слёзы туманили взор, он видел это десять дней назад.

Последним усилием он протиснулся в проём и с грохотом закрыл дверь.

Свет фонаря ослепил. Иван закашлялся, освобождая лёгкие для неожиданно свежего воздуха бункера.

– Ты кто? – раздался невнятный окрик, поглощенный огнеупорным стеклом маски.

Иван часто моргал, стремясь поскорее очистить глаза от едких испарений.

– Можешь снять маску, – прокричал он в ответ. – Здесь хороший воздух.

– Слушай меня! – пожарный почти прижался лицом к Ивану, чтобы тот его расслышал. – Сейчас я возьму тебя за пояс и...

Теперь он разглядел его лицо. Покосился на нашивку с фамилией на груди. Вновь озадаченно заглянул в глаза.

– Я это ты, только через десять дней, – закричал Иван. Крик гулко разнёсся по помещению.

– Глюк? – одними губами произнёс пожарный, но Иван понял, ведь то были его губы и его разум.

– Сними чёртову маску! Я же дышу!

Пожарный, подсвечивая фонарём, вглядывался в лицо двойника, надеясь увидеть отличия: неудачно наложенный грим, обман ночного зрения.

– Не веришь? Хорошо. – Иван ткнул себе в нос указательным пальцем. – Как мы всем рассказываем про героическое падение балки? Прямо в панорамную маску, стекло вдребезги, огонь в лицо, а я продолжаю тушить! Так? А что на самом деле случилось? Помчался сломя голову, споткнулся, как школьник на шнурке, и ткнулся так удачно, что маска в хлам, нос в кашу. Еле обратно выбрался. Кому ты такое рассказывал?

– Никому. – пробубнил пожарный в маске.

– А это? – Иван достал зажигалку, протянул пожарному. Тот её взял, рассмотрел со всех сторон. Вопросительно посмотрел на двойника.

– Сними чёртову маску, – вновь заорал Иван. – у нас нет времени!

Пожарный осторожно прикрутил вентиль, приподнял маску, затем полностью освободил лицо.

– Что за хрень? – не удержался он.

– Здесь ты... и я устраивали ритуал, – начал Иван, радуясь возможности не напрягать голосовые связки, – просили исполнения желаний у духа огня.

Он кивнул на намалёванный на полу треугольник и столбики полуметровых свечей:

– Так вот – не вышло! Всё, что хочет дух – это убивать и

распространять пожары, никакое наше счастье его не интересует. Ни карьера, ни свобода от брака не стоит того, чтобы ввергать себя в рабство.

Иван эмоционально пересказывал события последних дней. Двойник слушал, не перебивая. За дверью гудел пожар.

– Ты убил Машу? – двойник нахмурился. Иван заметил, как руки в огнеупорных перчатках сжались в кулаки.

– Я – это ты! – попытался вразумить собеседника Иван. – Если ты выйдешь отсюда и будешь мечтать о том же о чём просил духа огня, тогда именно ты убьёшь Машу!

– Чушь! – злобно выкрикнул двойник.

– Ну ты же уже пробовал воспламенять объекты на расстоянии.

Двойник смутился, и Иван знал отчего. Первые опыты с пирокинезом вдохновили, заставили почувствовать себя всемогущим, но остались запретной темой, о чём ни с кем делиться не планировалось. Поэтому Иван осторожно пояснил:

– Ты – это я. А я – это ты. Конечно, я знаю.

Двойник глядел пристально, оценивая и сопоставляя. Улетало время.

– Судьба предоставляет второй шанс. – не выдержал Иван. – Это мои ошибки, но они также и твои. Когда ты выйдешь отсюда, тебе придется самому принимать решения, но не допускай моих ошибок. Пойдёшь моим путём: станешь

убийцей, рабом духа огня.

Иван расстегнул куртку, обнажил заклеймённое левое плечо:

– Не советую...

– Так Маша погибнет?

Иван достал смартфон, открыл фотографии. Порадовался, что догадался сделать сканы свидетельств о смерти.

– Я их похоронил неделю назад.

Двойник держал смартфон на вытянутой руке, словно опасался подхватить заразу. Иван услужливо перелистывал снимки.

– Шестнадцатого июня?! – выдохнул двойник.

– Через три дня, – кивнул Иван. – Для меня это случившееся; для тебя возможное будущее. Но выбор за тобой. Либо ты убьёшь Машу, либо пошлёшь духа огня к чёрту!

Двойник озадаченно глядел на собственную копию.

Иван осознавал, что они оба путаются в мыслях. Он бы и сам не поверил, случись ему услышать подобное десять дней назад. Но времени на размышления не оставалось:

– Только ты можешь всё изменить! Пойми – не каждому дан второй шанс. У тебя он есть.

– А ты? – очнулся двойник.

– Отсюда сможет выйти лишь один. Да и в мире, где живы Маша и Лёшка место для одного. Мне путь заказан, для тебя есть жизнь! Избери её, не променяй на суррогат.

Пожарный задумчиво кивнул, оттер со лба пот. Нахму-

рился:

– А Маша точно жива?

– Да, когда ты выйдешь отсюда, она будет жива!

От двери исходил тяжёлый обжигающий дух. По ту сторону бушевало пламя. Жар усиливался. Дышать становилось труднее.

Двойник огляделся:

– Подожди. Здесь чистый воздух, значит есть другой выход.

Иван покачал головой:

– Ты знаешь, что нет. Здесь место выхода энергий из земли. Возможно поэтому чистый воздух.

– Давай останемся. Переждём.

Иван снова покачал головой:

– Дух огня не случайно заманил нас сюда. Здесь всё началось, здесь всё и закончится. Живыми мы не выйдем. Оба уж точно.

– Но ты не знаешь?

– И проверять не хочу. Это ловушка, в которую мы сами себя загнали. По счастью, есть выход. Навалимся вместе. Дверь должна открыться.

– В комнате кислород. – возразил пожарный в боёвке. – Сам понимаешь, вспышка выжжет всё помещение. Огонь тебя убьёт!

Иван достал зажигалку, палец привычно потянулся к крышке. Остановился.

– Это искупление. Рождённое огнём в огне и погибнет. – он отшвырнул зажигалку в глубь комнаты и упёрся руками в пол, как регбист, готовящийся к схватке. – Пора.

Пожарный в боевой экипировке надел маску. Укрылся за стеной и присел. Выставив руки, надавил топором на дверь.

Иван рванул вперёд.

Дверь натужно застонала под весом человеческого тела и приложенного давления. В образовавшуюся щель метнулись жадные языки пламени, яростно пожирающие сохранившийся в помещении воздух и беззащитную человеческую плоть.

13

Он открыл глаза и уставился в высокий белый потолок. Его накрыла тень. Размытый облик сформировался в знакомое лицо.

– Очнулся! Сестра!

Люда склонилась ещё ниже, роняя ему на лицо крупные солёные слёзы. Жарким шёпотом затараторила:

– Тебя завалило. Извлекли через полчаса. Воздух на нуле. Ты второй день в коме. Нашли труп поджигателя. Не опознали. Я забежала после смены. Теперь всё будет хорошо.

В поле зрения возникло серьёзное лицо медсестры. Её розовая униформа ярким пятном вспыхнула в стерильно-белой палате.

Он с трудом выдохнул:

– Моя жена жива?

Сестра бросила мимолётный взгляд на Люду. Та уставилась на Ивана.

– Жива, конечно, – Люда нахмурила брови-стрелки. В голубых глазах сверкнул лёд. – Она ушла час назад.

– Я хочу её видеть. Сейчас.

Сестра понимающе кивнула и исчезла. Иван взглянул на любовницу:

– Прости, Людмила.

Женщина сжала губы, быстрым движением смахнула с щеки слезу, процедила:

– Всё ясно. Ну, будь здоров... и счастлив.

Она выскочила из палаты. Звонкий цокот каблучков расстворился в коридорах реанимационного отделения.

Иван облегчённо откинулся на подушку.

Затем напрягся. Дрожащими пальцами стянул грубую простыню. Оглядел левое плечо. Кожа отливала синевой, гематома чернильной кляксой расплзлась от шеи до локтя. Никаких ожогов в форме треугольника.

«Всё правильно. Пожары устраивал другой я». На лицо легла тень скорби от тягостных воспоминаний. Он глубоко вздохнул, освобождаясь от гнетущих мыслей: «Я такого никогда не сделаю... Больше никогда».

Иван расслабился и мечтательно улыбнулся. Скоро он увидит Машу.